

Независимая газ. - 2001 - Юнаб. - 09.

Для искусства времена всегда тяжелые

Кинорежиссер Эмиль Лотяну обещает сражаться до конца

Алек Киви

В 65 лет Эмиль Лотяну затеял снимать фильм о Пушкине. Однако задача эта оказалась практически нерешаемой. Известнейший режиссер, снявший картины «Табор уходит в небо» и «Мой ласковый и нежный зверь», как и многие его коллеги, столкнулся с проблемой не творческой, но материальной – проблемой финансирования.

– Эмиль, поздравляя вас с юбилейным днем рождения, хотелось бы спросить: востребованы вы сейчас в кино?

– Ситуация создалась для меня необъяснимая. Государство ничего не может сделать для человека, фильмы которого куплены в 103 странах мира. Наше кино сейчас узурпировано одной группой людей, у которой простая стратегия: не давать снимать тем, кто делает это лучше них! Тактика абсолютно бандитская. Вот я недавно получил ответ от одного престижного банка: мол, мы любим ваше творчество и даже в восторге от него, но наш профиль не кино, а театральные проекты... Таковы у них принципы: жадность, во-первых; не давать, во-вторых; если давать, то только своим, в-третьих!.. Так что, по-прежнему нет у нас ни рынка, ни разума. Между верхами и низами в кино работает у нас только один канал связи – Михалков. Он и урывает себе что-нибудь: все для России, все для России!.. А вся Россия сосредоточена для него на Никосийской горе. Это и есть стиль российского бытия.

Скажите мне, кто из художников в России кончил хорошо? Вспомните, как доконали Черкасова или Пыррева, чей юбилей сейчас празднуют. Вот мы сейчас похоронили Чухрая, который был последним рыцарем кино. Я работал когда-то в его творческом объединении, где мы были счастливы и свободны. Сейчас никакой свободы нет в помине. В кино убогая тематика. Наши коллеги повторяют периферийные формы американского кино. Правильно пишут, что на болванках периферийного американского кино русские научились делать свое за небольшие деньги. Так и строчат у нас один единственный фильм, где Яковлева проходит кинопуть от проститутки до следователя Каменской. У нас давно уже

актерам не предлагают хорошие партитуры, а то, что предлагают, это не партитуры, а убожество: кто кого и за что убил.

– Как вы вообще относитесь к маскультуре?

– В последнее время экран и эстрада заполонил поток шушеры. Все это относится более к одичалой периферии искусства, массовой культуре. Создается товар временного пользования, а пресса обслуживает этот процесс. Отсюда и молва, что искусство – праздник, а все хорошее выстрадано. Тем временем мир мастеров – это мир влюбленности. Маяковский, Гете, Мопассан – у каждого были катастрофы чувств, но это совсем другая область человеческих отношений. А все, что понижает искусство до уровня грязного белья и химчистки, мне не интересно, и я от этого далек. Я люблю людей, знаете где? В храме. Приходишь в церковь и видишь, как все становятся чище, ближе. Или даже на стадионе, где во имя победы возникает фантастическое единство. Но выходишь на улицу, и все меняется.

– Как идут съемки вашей картины о Пушкине?

– Мы начали снимать. Фирма, которая давала нам деньги, вдруг решила, что не сможет получить прибыль. А может быть, они хотели эти деньги замаскировать под производство кино... Словом, не знаю. Все получилось по присказке: жадность фраера сгубила.

– О чем должен был быть пушкинский фильм?

– Сценарий "Избранник божий" рассказывает об отрочестве Пушкина – его первые романы, первые дуэли. Я работал над этим материалом всю жизнь. Еще один сценарий, над которым я работал всю жизнь, – "Хаджи Мурат".

– Ходят слухи, что у вас есть сценарий о ресторане "Яр"?

– Потрясающий материал, золотая жила – фильм об острове гениальной цыганской музыки в Москве – ресторане-варьете "Яр". Американцы сняли "Нью-Йорк, Нью-Йорк", во Франции снят "Мулен Руж". У нас в Москве наши богачи все деньги вложили в свою недвижимость вместо того, чтобы снять картину о Москве и показать ее как город величайшей художественной цивилизации XIX–XX веков. Это был бы такой бриллиант! Во всем мире ахнули бы!

У России огромный потенциал, который не может одолеть круг бездарных людей, взявших бразды правления в кино в свои руки. Где наши шукшины из глубинки? Что-то не появляются. Я человек страстный и впечатлительный, всю жизнь в каждом фильме открывал актеров, актрис, музыкантов. И тогда появлялась свежесть. Вот и сейчас я нашел таких потрясающих людей. Но, увы, горечь истины в том, что очень хорошему режиссеру нужен очень хороший продюсер и менеджер. А таких рождается и в Америке, и в России немного. Рынок заставляет американцев шевелить мозгами и работать. Вот у них и появляются продюсеры, которые находят деньги и под Формана, и под Копполу, и под других... А у нас (в моем случае) получается так: если я принесу денег меньше, чем от моего "Табора", – сразу скажут, что это неудача. На Западе молятся, когда прибыль от картины всего пять процентов! А если больше – это уже удача! 80 процентов картин там не окупаются. И никто не пугается этого, потому что кино – особая сфера.

– Наверное, некупаемость – главная болезнь нашего кино?

– Миф о некупаемости русского кино пущен теми, кто не умеет снимать, но без конца берет деньги и не возвращает. Вот все и сетуют: "Русское кино никто не смотрит!"

– Получается, раньше кинорежиссерам жилось лучше?

– У нас раньше чего хотели? Партия хотела делать хорошее кино для Запада, а для колхозников – «колхозное кино». Говорят, для кино было трудное время. Но были и картины Козинцева! И вообще, когда не было трудно для искусства? В жизни Микельанджело было одиннадцать пап, из них пять сволочей, не понимающих искусства, зато шесть пап его поддерживали. И у нас была такая же пропорция. В былые времена в ЦК регулярно давали киношникам по мозгам. Помнится, бедный Николай Трофимович Сизов, директор "Мосфильма", принимал все удары на себя: мол, все сделаем, проработаем, отработаем... Потом приходил на студию: давай, ребята, вперед!

– Так что же делать в нынешней ситуации?

– Я Скорпион. Будем драться до потери дыхания. ■

Эмиль Лотяну: "Нет у нас ни рынка, ни разума".

Фото ИТАР-ТАСС